

Три Лжедмитрия

САМОЗВАНЦЫ
НА ЦАРСКОМ ТРОНЕ

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

Русская история

Руслан Скрынников

**Три лжедмитрия. Самозванцы
на царском троне**

«Алисторус»

2022

УДК 82-311.6-93
ББК 63.3 (2)

Скрынников Р.

Три лжедмитрия. Самозванцы на царском троне /
Р. Скрынников — «Алисторус», 2022 — (Русская история)

ISBN 978-5-00180-181-8

В начале XVII века Россия переживала трагедию Смутного времени. Это была первая в истории нашей страны гражданская война. Три самозванца в течение одного десятилетия принимали имя царевича Дмитрия и пытались сесть на царский трон. Кем были эти исторические персонажи, которые принесли государству неисчислимые бедствия? Какие условия придали «самозванщине» такую страшную разрушительную силу? Действительно ли под маской Лжедмитрия скрывался беглый монах Гришка Отрепьев? Ответ на эти вопросы дает в своей книге известный историк, ученый с мировым именем Руслан Григорьевич Скрынников. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-311.6-93

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-00180-181-8

© Скрынников Р., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

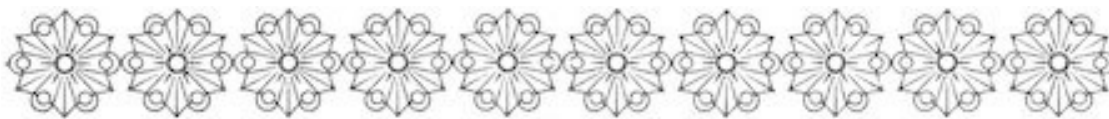
Введение	6
Несчастливое имя	7
Смерть царевича	12
Царь Борис	27
Явление самозванца	33
Беглый монах	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Руслан Григорьевич Скрынников
Три Лжедмитрия.
Самозванцы на царском троне

© Скрынников Р. Г., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Введение

В начале XVII в. Русское государство пережило неслыханно кровавую гражданскую войну. Современники называли ее Смутой.

Война началась после вторжения в страну самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, младшего сына царя Ивана Грозного. Московские власти поспешили объявить, что под личиной царевича скрывается беглый монах из Чудова монастыря Гришка Отрепьев. Большинство историков приняло версию, обнародованную царем Борисом Годуновым. Известный исследователь Смутного времени С.Ф. Платонов пришел к заключению, что вопрос о личности самозванца не поддается решению. Подводя итог своим наблюдениям, историк с некоторой грустью писал: «Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина пока от нас скрыта».

Не менее осторожным в своих суждениях был В.О. Ключевский. Личность неведомого самозванца, отметил он, остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто другой, хотя последнее менее вероятно. Исследовав ход Смуты, Ключевский с полным основанием заключил, что важна была не личность самозванца, а роль, им сыгранная, и исторические условия, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу.

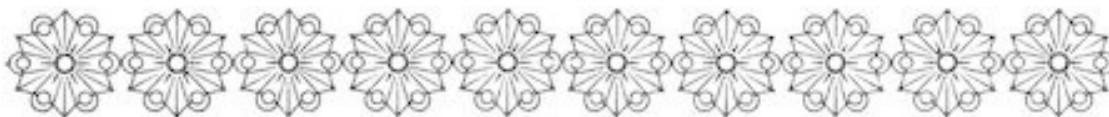
Кем бы ни был Лжедмитрий I, он был убит боярскими заговорщиками. Но вскоре в Самборе, в Польше, появился новый самозванец, назвавшийся Дмитрием. Интрига не удалась. Однако место незадачливого царевича немедленно занял новый проходимец – Лжедмитрий II, обосновавшийся в Тушине, под Москвой. Когда «тушинский вор» разделил участь своего предшественника и лишился головы, доиграть спектакль взялся псковский бродяга Лжедмитрий III. Он кончил тем, что был посажен в клетку, а затем повешен.

Несчастный угличский князь, казалось, обрел бессмертие. Он трижды погибал и трижды воскресал, умножая бедствия народа. Обманщики нисколько не походили друг на друга ни внешне, ни по складу ума и характера. Тройная подмена царевича обнаруживает, сколь малую роль играла личность самозванца сама по себе.

Полагали, будто самозванные «царьки» и «царевичи» были героями Крестьянской войны, разразившейся в России в начале XVII в. Самозванство якобы родилось на почве социальной утопии, веры крестьян в «доброго» царя-мессию. Объяснения такого рода трудно согласовать с фактами.

Попытаемся возможно подробнее исследовать биографии трех Лжедмитриев, оставивших заметный след в истории Смутного времени. Для этого надо прежде всего воссоздать исторические условия, вызвавшие к жизни самозванство – одно из самых удивительных явлений русской средневековой истории.

Несчастливое имя

Среди неярких фигур первых московских князей – скопидомов с туго набитым денежным мешком, собирателей чужих земель – единственной героической личностью был князь Дмитрий Донской. В его честь наследник трона Иван Иванович, сын Ивана III, назвал первенца Дмитрием. После внезапной кончины Ивана Ивановича великий князь Иван III по настоянию Боярской думы короновал Дмитрия Внука шапкой Мономаха в Успенском соборе Кремля. Бояре стремились избежать повторения Смуты, потрясшей Московское государство при Василии II Темном, для чего надо было закрепить трон за старшей законной ветвью династии. Став соправителем деда, внук должен был править Россией под именем Дмитрия II. Но власть досталась не ему, а удельному князю Василию, сыну Ивана III от брака его с Софьей Палеолог, будущему отцу Грозного. Вследствие интриги Софьи Дмитрий II был брошен в тюрьму, а затем умерщвлен.

Иван IV принял титул царя, так что его сыновья были первыми в русской истории царевичами. Во время победоносного похода на Казань в семье государя родился первенец. Он получил имя Дмитрия. В 1553 г. монарх смертельно занемог. Его кончины ждали со дня на день. По завещанию трон должен был наследовать сын, которому предстояло управлять государством под именем Дмитрия III.

Бояре не желали уступать власть родне царицы Анастасии Романовым-Захарьиным. Они не забыли о кровавых расправах, происходивших в Москве при правительнице Елене Глинской, и не желали подчиняться правительнице Анастасии Романовой. Боярский заговор против «пеленочника» Дмитрия возглавила мать удельного князя Владимира Ефросинья Старицкая-Хованская. Она помнила об успехе свекрови Софьи Палеолог, доставившей корону своему сыну, удельному князю. В заговоре участвовали знатные князья Ростовские, Оболенские, Куракины, немало лиц из Государева двора.

Но царь Иван выздоровел, и династический кризис миновал. Однако Дмитрию III не суждено было надеть на голову шапку Мономаха. К его гибели заговорщики не имели никакого отношения.

Иван III Васильевич (1440–1505). Портрет из «Царского титулярника» (1672 год)

Когда царевичу минуло шесть месяцев, родители повезли его на богомолье в Кириллов монастырь. На обратном пути случилось несчастье. Передвижения наследника были сопряжены со сложной церемонией. Няньку, несшую ребенка, непременно должны были поддерживать под руки двое знатнейших бояр. Во время путешествия из Кириллова царский струг пристал к берегу, и торжественная процессия вступила на сходни. Сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв.

В конце жизни Грозный женился в седьмой раз. Он положился на совет временщика Афанасия Нагова, сосватавшего ему племянницу Марию Нагую.

Духовенство боялось гнева монарха и разрешило брак вопреки строжайшим церковным запретам. Показав «теплое умиление и покаяние», царь избежал церковного проклятия.

В браке с царицей Марией Нагой у Грозного родился сын, которого отец нарек тем же именем, что и первенца, – Дмитрием.

Жизнь с юной Нагой очень скоро стала тяготить монарха. Еще во времена опричнины Иван задумал в случае мятежа искать спасения в Англии. Лейб-медик Бомелей подал ему мысль посвататься к «пошлой девице» (старой деве) Елизавете, королеве Англии. Планы царя не встретили одобрения в Лондоне, и тогда он решил жениться на одной из родственниц королевы – Марии Гастингс. В глазах «жениха» его брак с Нагой не мог служить помехой для нового сватовства. Посол Писемский дал по этому поводу такие разъяснения английскому двору: «Государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе, а будет королева племянница дородна и того великого дела (брака с царем. – *Р. С.*) достойна и государь наш... свою оставя, зговорит за королевину племянницу».

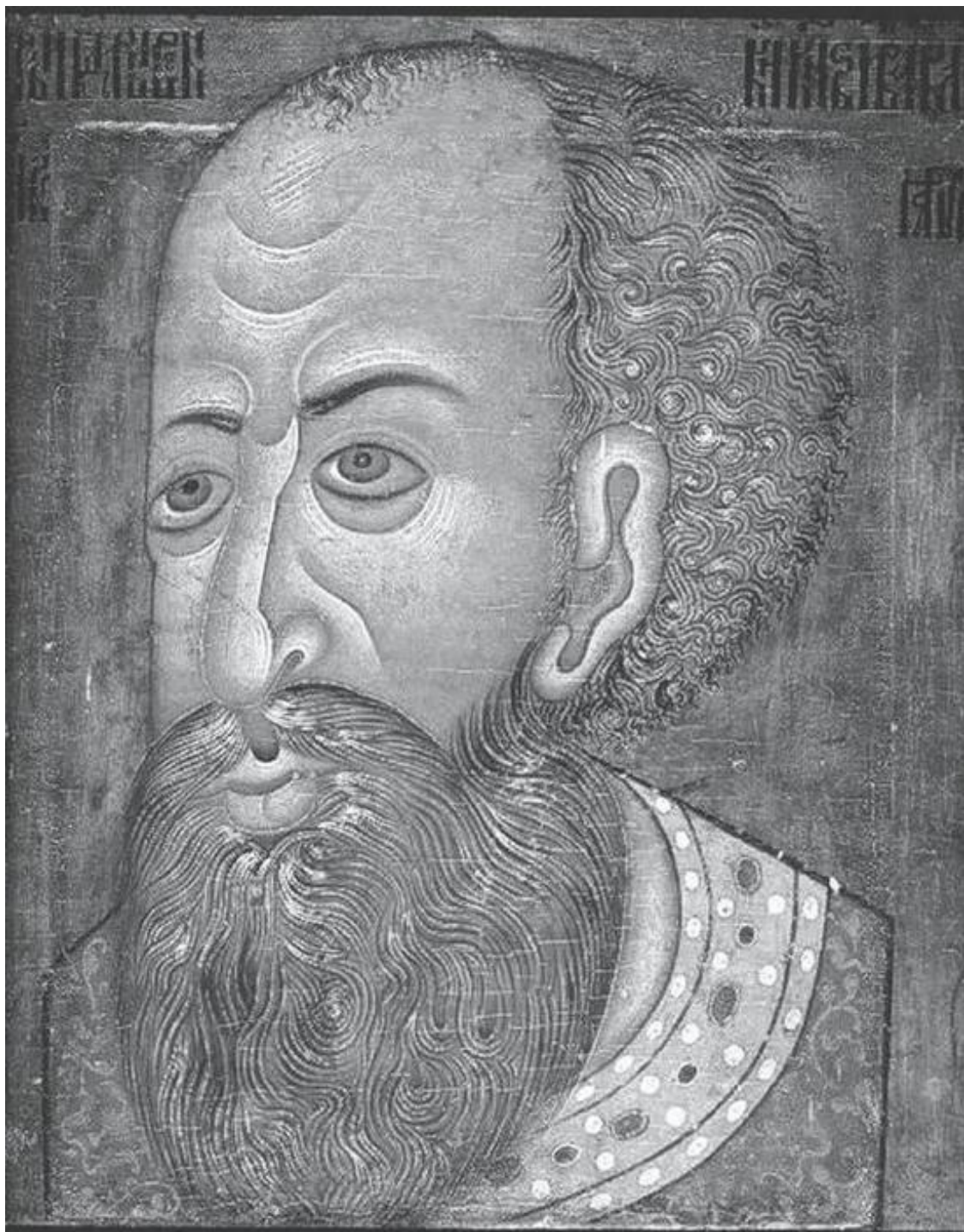
Грозный хлопотал о восьмом браке с исключительной энергией. По-видимому, он все чаще возвращался к мысли об отъезде за море. В случае успеха сватовства при английском дворе царицу Марию ждал монашеский клобук. Незавидной была бы и судьба ее младенца-сына.

Царевич Дмитрий рос болезненным мальчиком. Он страдал жестокой эпилепсией. Дитя седьмого брака, царевич был в глазах современников незаконнорожденным. Но пока жив был его отец, никто не смел сказать об этом вслух.

Царь Иван завещал престол сыну Федору. Младший сын царя, Дмитрий, имел бесспорное преимущество перед слабоумным братом. Он был умственно полноценным ребенком. Афанасий Нагой готов был употребить все средства, чтобы посадить на трон Дмитрия.

Сразу после кончины царя Богдан Бельский с согласия думы арестовал Афанасия Нагова и выслал его из столицы. Вскоре в Москве произошли волнения, приведшие к отставке Бельского. Власть перешла в руки бояр Никиты Романова и Бориса Годунова.

Еще до коронации Федора Ивановича бояре-правители отправили вдову Грозного вместе с сыном в столицу их удельного княжества город Углич. Родня царицы была оскорблена тем, что мачеха Федора не была допущена на коронацию пасынка.

Портрет (парсуна) Ивана IV, датируемый концом XVI – началом XVII века. Из собрания Национального музея Дании в Копенгагене

Когда правитель Никита Романов из-за тяжелой болезни устранился от дел, власть попытались захватить высокородные князья Шуйские. Им удалось сплотить всех противников правителя, включая Нагих.

В 1586 г. Годунов рассказал английскому агенту Джерому Горсею о заговоре Шуйских и Нагих. Царь Федор обладал слабым здоровьем и мог умереть в любой момент, и тогда отсутствие утвержденного думой законного наследника могло привести к смуте и кровопролитию. Дмитрию едва исполнилось четыре-пять лет, но это не имело значения.

Царевич Дмитрий стал представлять реальную угрозу для правителя, когда родня царевича объединилась с Шуйскими. Углич оказался втянут в опасную интригу. Нагие готовили царевича к грядущим переменам, старательно поддерживая в нем неприязнь к советникам царя Федора. В характере Дмитрия рано проявилась унаследованная от отца жестокость. Зимой мальчик лепил снежные фигуры и называл их именами ближних бояр. Окончив работу, он принимался лихо рубить им головы, приговаривая: «Это Мстиславский, это Годунов». Характерно, что Нагие не учили царевича рубить голову Шуйскому, который был фактическим руководителем столичной Боярской думы.

При дворе Федора детские «глумления» царевича вызывали неудовольствие и страх. Взаимные подозрения достигли предела. Угличский двор распространял повсюду слухи, будто родственники Федора, рассчитывавшие заполучить трон в случае его бездетной смерти, пытались «окормить» Дмитрия зельем. Слухи эти были записаны в 1588–1589 гг. английским послом Флетчером. Они оказались живучими и попали на страницы поздних русских летописей XVII в.

Московский двор не остался в долгу. Ранее 1589 г. власти разослали по всем церквам приказ, воспрещавший упоминать на богослужениях имя Дмитрия на том основании, что он зачат в седьмом браке, а следовательно, является незаконнорожденным. Такой приказ, утверждал английский посол, отдал священникам сам царь вследствие происков Бориса Годунова. Церковные правила строго воспрещали православным вступать в брак более трех раз. При жизни Грозного никто не смел усомниться в законности его седьмого брака. После его кончины все изменилось. Родне Дмитрия оставалось надеяться на царское завещание. Отцовское благословение само по себе утверждало взгляд на царевича как на законного наследника престола.

Борис Годунов, писал австрийский дипломат из Москвы, подавил раскрытый им боярский заговор, строго наказав виновных в крамоле душеприказчиков Грозного, а царское завещание, как говорят, разорвал. Уничтожение царского завещания было по тогдашним меркам делом неслыханным. Что толкнуло Бориса на такой шаг? Уничтожение духовной лишило претензии угличского князя юридической базы.

Смерть царевича

Борис Годунов жестоко покарал князей Шуйских и постарался обезопасить себя от интриг царицы Марии и Нагих. По его наущению царь Федор прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского, наделенного самыми широкими полномочиями. Фактически царевич Дмитрий и его мать Мария Нагая лишились почти всех прерогатив, которыми они обладали в качестве удельных владык. Все деньги удельная семья стала получать из рук дьяка. Его постоянная опека вызывала возмущение вдовы Грозного и ее братьев. На этой почве происходили постоянные ссоры и брань.

В полдень 15 мая 1591 г. царевич Дмитрий погиб в своей резиденции в Угличе. Гибель наследника престола поставила правителя в затруднительное положение. Слухи о покушениях на жизнь Дмитрия давно носились по Москве.

Годунов проявил обычную для него осторожность и предусмотрительность. Для розыска о причинах гибели царевича он согласился составить следственную комиссию, включавшую авторитетных членов Боярской думы. В Углич были посланы лица, придерживавшиеся абсолютно разной политической ориентации.

Руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. Но в помощники ему был назначен окольный Андрей Клешнин, известный своей преданностью Борису. В то же время Клешнин доводился зятем Григорию Нагому, жившему при особе царицы Марии в Угличе.

Вся практическая организация следствия была возложена на главу Поместного приказа думного дьяка Елизария Вылузгина и его подьячих.

По прошествии времени следователь Василий Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Согласно выводу комиссии, царевич нечаянно нанес себе рану, которая оказалась смертельной. «Обыск» (следственное дело) Шуйского сохранился до наших дней. Но вид неловко разрезанных и склеенных листов невольно вызывает подозрение.

Следует ли рассматривать сохранившиеся угличские материалы как оригинал, или это беловая копия? По мнению А.А. Зимина, основная часть материалов следственного дела дошла до нас в виде беловой копии.

Если это копия, а оригиналы допросов не сохранились, то легко заподозрить, что черновики подверглись при копировании фальсификации.

Портрет Бориса Годунова. Вторая половина XVIII в. Неизвестный русский художник

Палеографическое исследование рукописи выявило примерно шесть или даже восемь основных почерков писцов. Следственная комиссия очень спешила. Главных свидетелей допрашивала боярская комиссия, в распоряжении которой были лучшие писцы. Параллельно другие писцы протоколировали показания полутора сотен второстепенных свидетелей. Отмеченное обстоятельство объясняет наличие многих почерков в документе. При составлении беловика такого множества писцов попросту не потребовалось бы. Достаточно было бы двух-трех человек.

Следователи не только записывали допросные речи, но и заставляли свидетелей ставить свои подписи на обороте листа. В тексте обыска имеется по крайней мере 20 подписей угличан. Все подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности писавших.

Бисерный почерк Андрея Нагова несколько не похож на почерк полуграмотных дворцовых служителей или же на изысканные подписи двух угличских игуменов.

Комиссия провела огромную работу в течение примерно десяти дней, и ей некогда было изготавливать черновики, потом копировать их на беловики, меняя содержание в нужном духе, повторно отбирать подписи у свидетелей.

Следственные материалы свидетельствовали о непричастности Бориса к смерти царевича. Именно поэтому историки отказывались верить в их истинность. Гибель Дмитрия была актом большого политического значения. Вопрос «кому выгодно?» служит проверкой любого крупного события. Непокколебимая уверенность в том, что устранение последнего отпрыска московской династии было выгодно одному Борису, начисто обесценивала угличский «обыск». Есть основания утверждать, что угличское дело стало жертвой ретроспективной оценки событий.

К моменту смерти царевича не исчезла полностью возможность рождения законного наследника в семье Федора. Никто не мог точно предсказать, кому достанется трон. Из ближайших родственников царя наибольшими шансами обладал не Годунов, а Романовы.

Ситуация, сложившаяся в Москве к моменту трагедии, носила критический для правительства характер. Над страной нависла непосредственная угроза вторжения шведских войск и татар. Власти готовились к борьбе не только с внешними, но и с внутренними врагами. За одну-две недели до смерти Дмитрия они разместили на улицах столицы усиленные военные наряды и осуществили другие полицейские меры на случай народных волнений. Достаточно было малейшего толчка, чтобы народ поднялся на восстание, которое для Годунова могло кончиться катастрофой.

В такой обстановке гибель Дмитрия явилась для Бориса событием нежелательным и, более того, крайне опасным. Факты опровергают привычное представление, будто устранение младшего сына Грозного было для Годунова политической необходимостью. Вместе с тем рушится предвзятая оценка угличского «обыска».

Следственные материалы сохранили по крайней мере две версии гибели Дмитрия.

Версия насильственной смерти всплыла в первый же день дознания. Ее выдвинули дядья царицы Нагие. Но среди них не было полного согласия.

Андрей Нагой сидел с царицей за столом, когда произошло несчастье. Он живо описал, как «закричали на дворе, что царевича не стало». Нагая сбегала «сверху», и он, Андрей, «прибежал тут же к царице», а «царевич лежит у кормилицы на руках мертв, а сказывают, что его зарезали, а он того не видел, кто его зарезал».

Безо всякой паузы Андрей рассказал далее о припадках «черной болезни» у царевича и о том, что тот играл перед смертью ножом. Тем самым он косвенно подтвердил версию о нечаянной смерти Дмитрия. Показания Андрея принадлежали к числу самых важных: он видел мертвого царевича одним из первых и «был у царевичева тела безотступно и тело он царевича внес в церковь».

Дядья царицы, Михаил и Григорий Нагие, обедали у себя на подворье и не сразу явились к месту происшествия.

По словам Григория, они «прибежали на двор, ажно царевич Дмитрей лежит, набрушился сам ножом в падучей болезни... и на двор прибежали многие люди... и почали говорить, неведомо кто, что будто зарезали царевича». Таким образом, Григорий прямо подтвердил версию нечаянной смерти внучатого племянника.

Показания Григория только в одном пункте расходились с показаниями Андрея. По словам Григория, когда он с братом прискакал ко дворцу, «царевич еще жив был и при них преставился». Неточность в его показаниях может быть объяснена. Очевидцы говорили, что Михаил Нагой был «мертв пиан», «прискочил на двор пьян на коне». Григорий же пил за обедом вместе с Михаилом.

Из всех Нагих один Михаил категорически настаивал на том, что царевича убили: бежал он «к царевичю на двор, а царевича зарезали» Волохов, Качалов и Битяговский-сын.

Однако Михаил не мог подтвердить свою версию ни одним свидетельским показанием.

Нагие напрасно отговаривались тем, что они не знают, кто первый заговорил об убийстве Дмитрия. Этим человеком, без сомнения, была мать мальчика. Ее слова подхватил Михаил Нагой.

По понятным причинам Нагие не хотели признать, что версию насильственной гибели княжича выдвинули они сами, не имея в своем распоряжении никаких тому доказательств.

Протоколы допросов позволяют установить с полной очевидностью, зачем понадобилась Нагим версия убийства Дмитрия. Таким путем они пытались оправдать расправу с государевым дьяком Битяговским.

В полдень 15 мая царица Мария отправилась обедать, а сына отпустила погулять и потешиться игрой с четырьмя сверстниками. Дети играли на небольшом заднем двореке – в углу между дворцом и крепостной стеной. Обед только начался, как вдруг на дворе громко закричали. Царица поспешно сбегала вниз и с ужасом увидела, что ее единственный сын мертв.

19 мая из Москвы в Углич прибыла комиссия боярина Василия Шуйского. С ним вместе приехал митрополит Геласий. В основу своих выводов комиссия положила подробные показания Василисы Волоховой. Фактически она была признана главным свидетелем. Объяснялось это достаточно просто. Василиса была хорошо известна при московском дворе. Она пользовалась полным доверием Ивана Грозного и много лет служила при нем постельницей. После его смерти она последовала за вдовой-царицей в Углич. При царевиче Дмитрие Волохова исполняла должность боярыни-мамки. В иерархии дворцовых чинов она стояла неизмеримо выше всех других лиц, непосредственных очевидцев происшествия.

Следователи выяснили, что возле Дмитрия в момент его смерти находились четверо жильцов. Титул «жилец» носили молодые дворяне, охранявшие покои и фактически исполнявшие службу телохранителей при особе монарха или княжича.

Во дворе Кремля при Дмитрие находились юноши Петрушка Колобов, сын постельницы, Баженко Тучков, сын кормилицы, Ивашка Красенский и Гриша Козловский. Когда они предстали перед судной комиссией, им задали вопрос: «Хто в те поры за царевичем были?» Они отвечали, что на дворе с царевичем были «только они, четыре человека жильцов, да кормилица, да постельница».

Мария Нагая оставила сына с боярыней Волоховой, постельницей и кормилицей. Почему же мальчики не упомянули имени боярыни? Этот вопрос позволил исследователям усомниться в «доказательной силе» свидетельства очевидцев: «...если „жильцы“ не упомянули о Василисе, то они могли „забыть“ и о присутствии других лиц» (А.А. Зимин).

Предположение о том, что мальчики хитрили, не находит подтверждения в источнике. Они изложили то, что видели своими глазами. Если ребята не назвали боярыню, значит, в момент смерти Дмитрия ее не было во дворе. Она отлучилась либо на обед, либо по делам.

Слова мальчиков позволяют объяснить поведение царицы. Она передала сына на руки боярыне, которая несла всю ответственность за его жизнь. Волохова принадлежала к кругу самых близких к царице лиц. Но мамка покинула ребенка. За нерадивую службу, стоившую жизни питомцу, царица набросилась на мамку и, ухватив попавшееся под руку полено, стала бить по голове смертным боем.

Нагая не могла не чувствовать собственной вины за смерть сына. Незадолго до того, когда в руке у мальчика оказалась «свая», он во время припадка поколол мать. Казалось бы, само провидение предостерегло ее в тот момент. Царица не вняла предостережению. Избавиться от невыносимого чувства можно было лишь одним способом: переложить всю вину на кого-то другого. Кровь царевича требовала отмщения, и в голове у обезумевшей от горя женщины родилась идея мести. «Окаянная мамка» должна была испить ту же чашу – лишиться собствен-

ного сына. Нагая объявила, что Дмитрия зарезал Осип Волохов, что было равносильно смертному приговору.

По словам Волоховой, царица, избивая ее, приговаривала, «что будто се сын ее, Василсин, Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрия зарезали».

Фактически главная свидетельница повторила окончательную версию обвинения, выдвинутого Нагими. Но, судя по «обыску», эта версия возникла не сразу.

Нагие повелели бить в набат, чтобы созвать народ и оповестить город о несчастье. Немолчный гул колокола поднял на ноги весь город. Возбужденная толпа запрудила площадь перед дворцом. Михаил Битяговский, слышав звон, поспешил в Кремль. Но Нагие успели принять меры. Они запретили страже пускать в крепость главного дьяка. Наконец один из его приспешников отпер ворота. Битяговский сразу почуял неладное и стал хлопотать о наведении порядка. Его суета раздражала Нагих.

Никто не приглашал дьяка в княжие покои, но он и не ждал приглашения. Он, «взбежав на двор, да вверх побежал, а чаял того, что царевич вверх». Оттуда Битяговский бросился в церковь и мимо тела царевича взбежал на колокольню. Дьяк ломился в звонницу и требовал, чтобы прекратили бить в колокола, но звонарь, по его словам, «ся запер и в колокольню его не пустил».

Толпа перед дворцом прибывала. Посадские люди и казаки спешили вооружиться рогаatinaми, топорами и саблями. Ситуация осложнилась после того, как на площади появились Михаил Нагой с братом Григорием.

Нагие враждовали с Битяговским с того дня, как удельная семья утратила право распоряжаться доходами со своего княжества и стала получать деньги «на обиход» из его рук. Назначенное правительством содержание казалось царице мизерным, а зависимость от дьяка – унижительной. Стряпчий царицы и другие лица сообщили комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал вверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», из чего проистекали ссоры и брань. Последняя стычка между ними произошла утром 15 мая.

Уже после того, как толпа убила Битяговского, люди Нагих притащили во дворец уglichского городского приказчика Русина Ракова, и там Михаил Нагой, куражась, заставил его шесть раз подряд присягать на верность царице Марии. Михаилу незачем было повторять перед Раковым выдумку об убийцах царевича. Похваляясь победой над ненавистным дьяком, Нагой с полной откровенностью объявил приказчику, что это он, Михаил, велел убить Битяговского с сыном и что «Микиту Качалова, да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей их велел побита я же для того, что они у меня отнимали Михаила Битяговского с сыном».

Откровения Михаила проясняют картину. По-видимому, Нагие поначалу натравили толпу на одного только дьяка с сыном, а Качалов и Волохов были умерщвлены не как убийцы Дмитрия, а как защитники Битяговских.

Раков был ближайшим помощником дьяка и досконально знал все его дела с Нагим. В поданной митрополиту Геласию челобитной он объяснял смерть государева дьяка следующим образом: с утра 15 мая Михаил Нагой разбрался с дьяком, потом «напился пьян да велел убить Михаила Битяговского с сыном». Достоверность слов о состоянии Михаила не вызывает сомнений. Семь человек рассыльщиков (курьеров), видевшие расправу своими глазами, заявили, что Нагой «прискочил» на княжий двор «пьян на коне».

Рассыльщики служили в дьячей избе и не зависели от удельного двора. Их показания отличались откровенностью и полнотой. Они сообщили любопытные подробности о гибели Качалова и Волохова. По их словам, «Микыту Качалова убили за его шурина за жильца да за Осипа за Волохова, что Микыта учал говорить, чтоб его шурина не убили, и оне за Микыту Качалова и Осипа Волохова (убили) до смерти». Показания семи свидетелей страдали видимым противоречием: Качалова убили за Волохова, а Волохова – за Качалова. Но, кажется,

именно так и произошло в действительности. Качалов погиб не потому, что был заподозрен в убийстве царевича, а потому, что вступился за Волохова. Качалов бросился на помощь Волохову в то время, когда на площади еще бегал и распоряжался его всесильный дядя Битяговский. Осипа удалось защитить от самосуда. Убежав с площади, Волохов укрылся на подворье Битяговских. Это было единственное место, где он мог спастись от гнева царицы.

Многие свидетели описали столкновение между Нагими и дьяком как очевидцы. На княжьем дворе Битяговский сначала попытался прикрикнуть на толпу, а затем принялся увещевать Нагова, «чтобы он, Михайла, унял шум и дурна которого не зделал».

Избитая в кровь и брошенная на площади Василиса Волохова видела, как царица указала на Битяговских и молвила «миру: то-де душегубцы царевича». Пьяный Михайл Нагой взялся было руководить расправой с дьяком, но на помощь Битяговским пришли их родственники и холопы. Посадские люди также не сразу поверили Нагим. Плотник Савва, каменщик Митя и мужик-белозерец кричали, что «царевич умер черною болезнью, а Михайло Нагой взводит на тех людей (Битяговских) за посмех, по недружбе». На помощь к дьяку прибежал посошный приказчик. Он просил посадских людей, чтобы «оне за посмех Михаила Битяговского с товарищи не побивали». В пользу Битяговского говорил посадский богатеи Баусов. Но люди Нагих тут же схватили его и поволокли в тюрьму. Приказчика с трудом отбили у толпы.

Однако настроение толпы становилось все более угрожающим, и Битяговским пришлось покинуть площадь. Вместе со своими сторонниками они заперлись в Дьячей брусняной избе. Это окончательно погубило их. Толпа выбила двери, выволокла укрывшихся там людей и растерзала их.

Даже служивший царице дворянин должен был признать перед комиссией, что приказных побила всякая чернь «с Михайлова веленья Нагова».

Дело не ограничилось убийствами. Чернь разгромила приказную избу – канцелярию государева дьяка: «у дьячьи избы сени и двери разломаны и вокна выбиты». Нападавшие завладели немалой суммой денег, хранившихся в коробьях (сундуках) у приказных.

Опасаясь за свою жизнь, служители приказа «с того страху разбежались розно и в город ходити не смели». Человек 20 посадских людей погнались за подьячими, но те укрылись в чаще и несколько дней «ходили по лесу, в город иттить не смели».

После разгрома приказной избы толпа бросилась на подворье Битяговского и растащила все его имущество: «На Михайлов двор Битяговского пошли все люди миром и Михайлов двор разграбили и питье из погреба в бочках выпив, и бочки кололи; да с Михайлова же двора взяли Михайловых лошадей девятеро».

Жену дьяка, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с детишками ко дворцу. Туда же привели Осипа Волохова, найденного в доме Битяговских.

В разгар общего смятения в кремль явились два высших духовных лица – архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день оба служили обедню в одном монастыре. Заслышав набат, они послали слуг в город, и те, вернувшись, доложили, что «слышали от посадских людей и от посошных, что будто се царевича Дмитрея убили, а тово не ведомо, хто его убил». Вслед за слугами в монастырь прибежал кутейщик и именем царицы велел старцам ехать во дворец. По свидетельству игумена, он застал царицу в церкви Спаса возле сына: «ажно царевич лежит во Спасе зарезан и царица сказала: зарезали-де царевича Микита Качалов да Михайлов сын Битяговского Данило да Осип Волохов».

Царица Мария призвала монахов с умыслом. Битяговские и Качалов лежали побитые на площади перед церковью, и ей нужны были авторитетные свидетели, чтобы задним числом оправдать самочинную расправу.

Старцы посылали слуг в Кремль, из-за чего явились на место происшествия с большим опозданием. Однако они были первыми официальными лицами, услышавшими новую версию убийства Дмитрия. Согласно этой версии, роль главного убийцы отводилась Никите Качалову

и Данилке Битяговскому, дьяк Михаил Битяговский был исключен из списка, а его место занял Осип Волохов.

Появление монахов на время приостановило самосуд. Толпа хотела взяться за дьячиху, но старцы, по их словам, «ухватили» Битяговскую с дочерьми «и отняли их и убить не дали».

Монахи видели в церкви Осипа Волохова. Он стоял неподалеку от тела царевича «за столпом», весь израненный. Василиса отчаянно боролась за жизнь сына. Она заклинала царицу «дати ей сыск праведной». Но Нагая была неумолима. Едва старцы покинули церковь, она выдала Осипа на растерзание толпе, объявив: «то деи убоица царевича».

Следует уточнить, что в момент появления игуменов непосредственной угрозы жизни Василисы Волоховой и ее сына не было. В противном случае старцы «ухватили» бы их вместе с женой и детьми Битяговского и спасли от расправы.

В отношении Осипа Волохова Нагие проявили колебания. Подготавливая улики, они положили окровавленные ножи на трупы Битяговских и Качалова, палицу – на труп Волохова. Но если Волохов перерезал горло царевичу, то как он мог сделать это с помощью палицы?

Итак, версия о злодейском убийстве Дмитрия возникла в ходе самосуда и претерпела метаморфозы.

Что побудило Нагих затеять рискованное дело и фактически поднять мятеж против главного дьяка, представлявшего в Угличе особу государя? Разумеется, причина не сводилась к тому, что Михаил Нагой напился допьяна.

Царицу раздражало то, что Битяговский распоряжался денежными доходами удельного княжества. Он также исполнял роль соглядатая при удельном дворе. Когда у царевича появились симптомы «черного недуга», царица Мария тотчас решила, что ее сына испортили недруги. Как показала мамка Василиса Волохова, царица велела убить некую угличскую юродивую, «будто та жонка царевича портила».

По свидетельству очевидцев, люди Нагих, прибежав на двор Битяговского, первым делом «жоночку Михайлову (дьяка. – Р.С.) розстреляв, да в воду посадили». Необычность расправы объяснялась страхом перед ведуньями, знавшими с нечистой силой.

Нагие надеялись, что царь Федор либо умрет, либо будет свергнут и трон унаследует Дмитрий. Кажется, они готовы были пустить в ход те же средства, что и их враги, использовавшие услуги юродивой. Угличские рассыльщики, подчиненные дьяка, в своей челобитной привели предсмертные слова Битяговского: «Михайло Нагой велит убить (его, дьяка. – Р.С.) для того, что... добывает ведунов, и ведуну на государя и на государыню, а хочет портить».

Битяговский не успел послать донос в Москву. Но это сделала его вдова, знавшая обо всем с его слов. Однако ее версия несколько отличалась от версии мужа. В челобитной на имя царя женщина утверждала, что ее муж многократно бранился с Михаилом Нагим из-за того, что тот добывает ведунов и ведуний к царевичу. Тут не было прямой вины Нагих, пытавшихся с помощью колдунов вылечить мальчика. Хуже обстояло дело с ведуном Андрюшкой Мочаловым. Он жил на дворе у Нагих и по их приказу ворожил, сколько проживут царь Федор и его жена. Вдова ссылалась на то, что слышала все от мужа. Таким образом, дьяк не говорил ей, что Нагие хотели известить царскую семью.

После розыска правитель приказал схватить и доставить в столицу ведуна Андрюшу Мочалова.

Итак, во время последней перебранки у стен дворца Битяговский нехотая упомянул о ведунах, а Михаил Нагой услышал в его словах прямую для себя угрозу. Он понимал, что ему не избежать дыбы и кнута, если дьяк подаст донос насчет порчи царя.

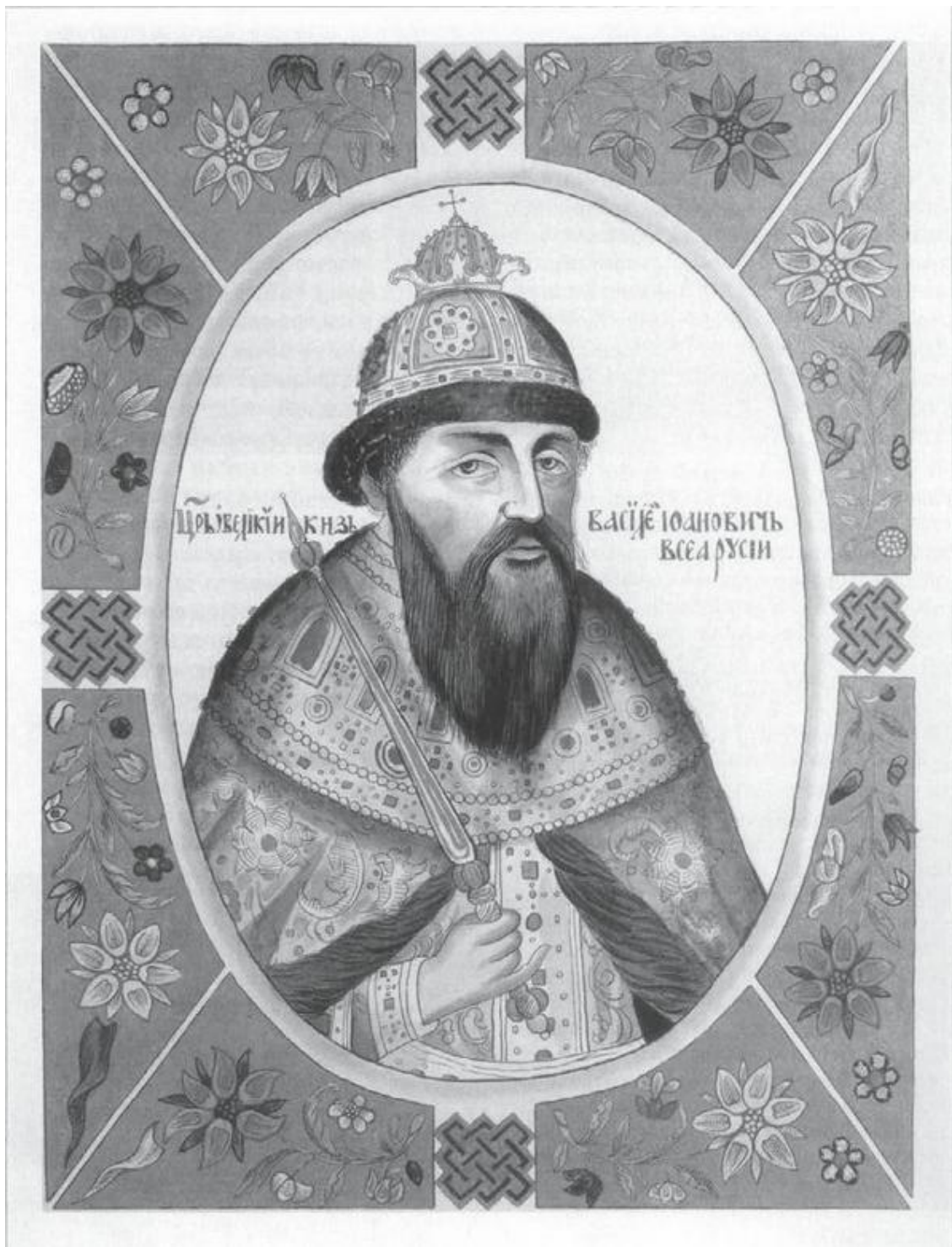
После расправы над Битяговским Нагие выдвинули версию о его причастности к убийству Дмитрия. Но их версия не выдерживала критики. Вдова дьяка рассказала на допросе, что члены ее семьи обедали на своем дворе, когда позвонили в колокол. Гостем Битяговских был в тот день священник Богдан. Будучи духовником Григория Нагова, Богдан изо всех сил выго-

раживал царицу и ее братьев. Но он простодушно подтвердил перед комиссией Шуйского, что сидел за одним столом с дьяком и его сыном, когда ударили в набат. Таким образом, Битяговские имели стопроцентное алиби. Комиссия Шуйского установила это абсолютно точно.

В день кровавого самосуда погибли 15 человек. Их трупы были брошены в ров у крепостной стены. На третий день к вечеру в Углич прибыл отряд правительственных войск. Похмелье прошло, и Нагие поняли, что им придется держать ответ за убийство главного должностного лица, представлявшего в Угличе особу царя.

Накануне приезда комиссии Шуйского Михаил Нагой глубокой ночью собрал преданных людей и велел им раздобыть ножи. Городовой приказчик Раков пошел в Торговый ряд и взял два ножа у посадских людей. Григорий Нагой принес «ногайский» нож. На подворье Битяговского нашли «железную палицу». Когда оружие было собрано, подручные Нагова зарезали в чулане курицу. Они измазали «ножи и палицы кровью», нацеженной в таз, и отнесли оружие в ров к обезображенным трупам. Непосредственный исполнитель этой акции Раков заявил комиссии: «Михаило мне Нагой приказал класти к Михаилу Битяговскому нож, сыну ево нож, Миките Качалову нож, Осипу Волохову палицу».

Распределение оружия точно соответствовало последней версии злодейского убийства.

Василий Иванович Шуйский (1552–1612). Портрет из «Царского титулярника» 1672 года

Нагие заготовили подложные улики, чтобы сбить с толку следователей. Но обмануть комиссию им не удалось. Раков повинился перед Шуйским и поведал ему о ночной проделке Нагих. Михаил Нагой пытался запереться, но немедленно был изобличен. На очной ставке с Раковым слуга Нагова, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. В отличие от Михаила Нагова его брат Григорий не стал лгать и признался, что достал «ногайский» нож у себя дома из-под замка и участвовал в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей привел к окончательному крушению версии о преднамеренном убийстве Дмитрия.

Царевич погиб при ярком полуденном солнце, на глазах у многих людей. Комиссия без труда установила имена непосредственных очевидцев происшествия. Перед Шуйским выступили, после боярыни-мамки, кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и четверо «жильцов». По их свидетельству, царевич тешился игрой в тычку. Очевидцы кратко, но точно и живо описали то, что случилось на их глазах: «играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь – падучей недуг – и набросился на нож». Придавая исключительное значение показаниям ребят, следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос. Сначала они спросили: «Хто в те поры за царевичем были?»

Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они – четыре человека жильцов да кормилица да постельница». Выслушав ответ, комиссия спросила в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли»? На этот вопрос «робятки» ответили отрицательно.

Может быть, мальчики солгали в глаза царице? Может быть, они сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому, не убоившись гнева своей государыни? Такое предположение начисто опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора – подключники Ларионов, Иванов и Гнидин – показали следующее: когда царица села обедать, они стояли «в верху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из мальчиков, игравших с царевичем. Перед Шуйским он держал ответ за всех своих товарищей. Колобов лишь повторил перед следственной комиссией то, что сказал дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили взрослые, приглядывавшие за игравшими мальчиками.

Может быть, угличский «обыск» все же был хитроумной подделкой? «Во всяком случае версия о „самозаклании“ царевича могла быть измышлена сразу после убийства Дмитрия с целью самосохранения лиц, находившихся во дворе вместе с ним» (А.А. Зимин).

О каком самосохранении могли думать дети, игравшие с Дмитрием, или же кормилица? Слова кормилицы Арины Тучковой отличались удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...» Признание подобного рода таило в себе угрозу. За провинность, повлекшую гибель члена царской семьи, полагалась казнь. Но кормилица не думала об этом. Она была потрясена смертью вскормленного ею ребенка.

Для опровержения данных угличских следственных материалов нужны серьезные основания, а их нет.

Никак не менее шести человек, стоявших подле царевича на дворе, видели своими глазами его гибель. Позже перед комиссией предстал восьмой очевидец. Но он нашелся не сразу.

Допрашивая приказного Протопопова, комиссия установила, что он впервые услышал о смерти Дмитрия во всех подробностях от ключника Тулубеева. Призванный к ответу, Тулубеев сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, которая окончательно прояснила дело.

В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел сквозь окно во внутренний дворик. Несчастье произошло у него на глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, «а он (Юдин. – Р.С.)... то видел».

Стряпчий поделился увиденным с приятелями. Но он знал, что царица толковала об убийстве, и счел благоразумным уклониться от дачи показаний перед следственной комиссией. В конце концов свидетеля обнаружили, правда, случайно.

Показания главных угличских свидетелей совпадают по существу и достаточно индивидуальны по словесному выражению. Это говорит в пользу их достоверности. Иное впечатление производят показания второстепенных свидетелей, число которых перевалило за сотню. Их показания назойливо стереотипны. Это давно смущает исследователей. Если несколько лиц пользуются одними и теми же речевыми оборотами, тотчас возникает подозрение в лжесвидетельстве. Однако появление штампов в следственном деле все же можно объяснить. Допрос основных свидетелей позволил нарисовать достаточно полную картину происшествия. Показания тех, кто знал о смерти Дмитрия с чужих слов, не прибавили ничего нового. Перед комиссией предстали в основном дворовые люди, в массе своей некультурные и косноязычные. Чтобы получить от них толковые ответы, надо было потратить массу времени. Но временем следователи не располагали, и потому комиссия фиксировала ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В тогдашней приказной практике такой прием часто использовался.

А.А. Зимин поставил под сомнение выводы комиссии Шуйского и склонился скорее к версии об убийстве, чем к версии о «самозаклании». Но первую версию доказывают лишь фальшивые улики и злонамеренные показания убийц Битяговского.

Версия нечаянной гибели царевича, опиравшаяся на показания главных свидетелей, заключала в себе два момента, каждый из которых может быть подвергнут всесторонней проверке.

Первый момент – болезнь Дмитрия, которую свидетели называли «черным недугом», «падучей», «немочью падучею». Судя по описаниям припадков и по их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали рассылщики, «и презже тово... на нем (царевиче. – Р.С.) была ж та болезнь по месяцам безпрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием в Великий пост, потом за месяц до гибели, перед самой Пасхой (в 1591 г. Пасху праздновали 4 апреля). Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич в той болезни «объел руки Ондрееве дочке Нагова, едва у него... отнели». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». О том же говорила и вдова Битяговского: «многожды бывало, как ево (Дмитрия. – Р.С.) станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник, на третий день царевичу «маленко стало полехче», и мать взяла его к обедне, потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ (показания мамки).

Буйство маленького эпилептика внушило такой страх его нянькам, что они не сразу подхватили его на руки, когда припадок случился в отсутствие царицы во дворе. Как иначе объяснить тот факт, что ребенка бросило оземь и «било его долго»? Факт этот засвидетельствовали очевидцы. Мальчик корчился на земле, а возле него кружились няньки и мамки. Когда кормилица подняла его с земли, было слишком поздно.

Второй момент – царевич играл в ножички. Его забаву свидетели описали подробнейшим образом: царевич «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваею (остроконечным ножом. – Р.С.) в кольцо». Игра в тычки состояла в следующем: игравшие поочередно бросали нож в очерченный на земле круг, нож обычно брали с острия, метнуть его надо было так ловко, чтобы нож описал в воздухе круг и воткнулся в землю.

Жильцы, стоявшие около мальчика, сказали, что он «набросился на нож». Василиса Волохова описала происшедшее так: «...бросило его о землю, и тут Царевич сам себя ножом поколол в горло». Прочие очевидцы утверждали, что царевич покололся «бьючися» или «летячи» на землю. Никто не знал, в какой именно момент царевич нанес себе рану – при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно: epileptик ранил себя в горло.

Могла ли небольшая горловая рана привести к гибели ребенка? На такой вопрос медицина дает недвусмысленный ответ. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. Если мальчик проколол один из этих сосудов, смертельный исход был не только возможен, но неизбежен.

Почему взрослые не бросились к ребенку и не попытались остановить кровотечение? Такой вопрос вовсе не учитывает возможностей медицины XVI столетия. Даже если бы во дворе угличского дворца оказался лучший европейский медик, и он не спас бы мальчика.

Иногда высказывают мысль, что смерть царевича все же не была нечаянной, что в подходящий момент кто-то коварно вложил нож в его руку. Такое предположение беспочвенно, ибо оно не учитывает привычек и нравов знати, никогда не расстававшейся с оружием. Сабля и нож на бедре служили признаком благородного происхождения. Сыновья знатных фамилий привыкали владеть оружием с ранних лет. Маленький Дмитрий бойко орудовал сабелькой, а с помощью маленькой железной палицы забивал насмерть кур и гусей. Ножичек не раз оказывался в его руке при epileptических припадках. Где-то в марте месяце, показала Битяговская, «царевича изымал в комнате тот же недуг и он... мать свою царицу тогда сваею поколол». Об этом припадке, во время которого Дмитрий «поколол сваею мать свою царицу Марью», вспомнила и мамка Волохова.

Можно ли упрекнуть следственную комиссию в том, что она не смогла отыскать главную улику – злополучный ножичек, которым покололся Дмитрий? Вряд ли.

Скорее всего Нагие, сфабриковав подложные улики, постарались уничтожить подлинную. Детская игрушка – ножичек царевича – очень мало напоминала орудие убийства, и Нагие подменили ее боевым оружием – «ногайским» ножом. Длинные окровавленные ножи, подброшенные в ров, должны были окончательно убедить следователей в том, что под окнами дворца орудовала шайка заправских убийц.

Следователи допрашивали главных свидетелей перед царицей, которая могла опротестовать любое ложное или путаное показание. Вместо этого она обратилась к помощнику Шуйского митрополиту Геласию со смиренной просьбой заступиться перед царем за «бедных червей» Михаила «с братею». «Как Михаила Битяговского с сыном и жильцов побили, – сказала царица „с великим прощением“, – и то дело учинилось грешное, виноватое». Мария Нагая признала, что расправа с Битяговскими была делом преступным и незаконным, и больше не настаивала на том, что дьяк и жильцы убили ее сына.

Помимо угличского «обыска» Шуйского, сведения о гибели Дмитрия содержатся в записках иностранцев. Английский посланник Джером Горсей узнал о смерти Дмитрия, будучи в Ярославле, неподалеку от Углича. Полученную информацию он изложил в письме лорду Берли, датированном 10 июня 1591 г. Английский дипломат конфиденциально сообщил в Лондон о том, что 19 мая «случилось величайшее несчастье: юный князь 9-ти лет, сын прежнего императора и брат нынешнего, был жестоко и изменнически убит; его горло было пререзано в присутствии его дорогой матери, императрицы... После этого произошли мятежи и бесчинства».

Чтобы оценить достоверность английской информации, надо установить ее источники. Сделать это помогают записки Горсея, в которых ярославские впечатления автора получили более подробное отражение. На всю жизнь англичанин запомнил ночной эпизод, происшедший с ним в Ярославле в мае 1591 г. Глухой ночью кто-то громко постучал в его дом. Вооружившись пистолетами, Горсей выглянул на улицу и при свете луны узнал Афанасия Нагова, сво-

его давнего знакомого. Он рассказал, что «царевич Дмитрий мертв, дьяки зарезали его около шести часов, один из слуг признался на пытке, что его послал Борис, царица отравлена и при смерти...». Очевидно, письмо Горсея от 10 июня 1591 г. лишь воспроизвело версию Нагих об убийстве Дмитрия людьми Годунова.

Говорят, что следствие не дало полной картины происшедшего: Шуйский не допросил царицу Марию, самого авторитетного свидетеля. Такой упрек основан на недоразумении. Боярин и его помощники не имели полномочий допрашивать вдову Грозного. Мария Нагая подала весть царю Федору о гибели сына, следовательно, розыск начат был по ее просьбе. Именно поэтому главных свидетелей комиссия допрашивала «перед царицей». Конечно, на всех допросах Нагая присутствовать не могла. От страшного нервного потрясения ей сильно нездоровилось. В мае ее дядя Афанасий сообщил англичанам, что царица при смерти (это было преувеличением), что у нее вылезли волосы. Он умолял оказать больной врачебную помощь. Англичане снабдили Нагова склянкой чистого салатного масла.

Часто говорят и пишут, что показания о начавшемся самоубийстве Дмитрия были получены посредством угроз и насилия. Нагих заточили в тюрьму, вдову-царицу – в монастырь. В Угличе пролилась кровь многих людей.

Факт жестоких преследований угличан засвидетельствован многими источниками. Но эти гонения, как удастся установить, имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а несколько месяцев спустя. Комиссия не преследовала своих свидетелей. Исключение составил случай, точно зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Васильем» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха Михаила Григорьева, обвинив его в краже вещей дьяка. Обвинения подтвердились. Писчик Углицкого приказа, присутствовавший при расправе, показал, что конюх начал бить Михаила Битяговского и избил до смерти Данилку Битяговского. Вдова дьяка сообщила в своей челобитной, что именно конюх с сыном убили ее мужа. В своих показаниях Григорьев уточнил, что приказ убить дьяка исходил от царицы и Михаила Нагова.

Джером Горсей (1550–1626). С картины А.Д. Литовченко 1875 года

Григорьевых взяли под стражу. На этом репрессии против угличан в дни следствия закончились.

22 мая митрополит Геласий отслужил молебен и предал земле тело Дмитрия. Царского сына похоронили не в родовой усыпальнице московских государей в Кремле, а в той церкви, куда его внесли после роковой прогулки. Комиссия не позволила переодеть мальчика: на нем оставили ту одежду, в которой он гулял перед смертью – рубаху с пояском, нижнюю белую

рубашку, красные башмачки. По преданию, все восемь дней, пока тело лежало в храме, царица сидела подле него.

Смерть Дмитрия произвела в Москве сильное впечатление. Повсюду тайно шептались, что виновны во всем Годуновы. Слабоумный царь был испуган. При дворе ждали смуты.

Годуновы использовали московские события, чтобы навсегда избавиться от Нагих. 2 июня в Кремле собрались высшие духовные чины государства, и дьяк Щелкалов прочел им полный текст угличского «обыска». Как и во всех делах, касавшихся царской семьи, в угличском деле высшим судьей стала церковь. Устами патриарха Иова церковь выразила полное согласие с выводами комиссии о нечаянной смерти царевича, мимоходом упомянув, что «царевичю Дмитрию смерть учинилась Божьим судом».

У комиссии Шуйского не было необходимости прибегать к пыткам и казням. Воссозданная следствием картина гибели Дмитрия отличалась редкой полнотой и достоверностью. Расследование не оставило места для неясных вопросов. Но наступило Смутное время, имя «царственного младенца» принял дерзкий авантюрист, овладевший московским тронem, и смерть Дмитрия превратилась в загадку.

При благоприятных обстоятельствах сын Марии занял бы трон под именем Дмитрия III или Дмитрия IV, но нелепая случайность оборвала его жизнь.

В роду Дмитрия Донского ни один из его потомков с именем Дмитрий не достиг высшей власти.

Царь Борис

Царь Федор, сын Грозного, умер 6 января 1598 г., не оставив наследника. Династия Ивана Калиты, правившая Россией в течение трехсот лет, пресеклась. Так возникла почва для появления самозванцев.

Федор Иванович не оставил после себя завещания. Официальная версия Годуновых сводилась к тому, что Федор «учинил» после себя на троне жену Ирину, а Борису «приказал» царство и свою душу. В действительности умирающий наказал царице Ирине «принять иноческий образ».

Каждый из родственников государя имел свои причины негодовать на поведение Федора. В итоге государь умер в полном небрежении. «Освященный» царь, прошедший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения.

Борис отказался исполнить волю царя относительно пострижения вдовы-царицы. Он попытался закрепить за сестрой трон, но потерпел неудачу. Царице Ирине пришлось принять иноческий чин и удалиться в Новодевичий монастырь.

Среди претендентов на трон современники называли Федора и Александра Никитичей Романовых, двоюродных братьев умершего царя, а также главу Боярской думы князя Федора Мстиславского.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с открытыми нападками на правителя. В столице толковали, будто Годунов отравил царя Федора. В Боярской думе старший из братьев Романовых якобы обвинил Бориса в убийстве царевича Дмитрия и пытался собственноручно покарать злодея.

Опасаясь за свою жизнь, Годунов перестал ездить в Боярскую думу и укрылся в стенах хорошо укрепленного Новодевичьего монастыря. Бегство Годунова из Кремля предвещало его немедленную отставку с поста правителя.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам нового царя. Патриарх созвал на своем подворье родню и сторонников Бориса Годунова. Они единодушно решили избрать на трон Бориса. В это же время руководство думы созвало особое совещание в Кремле. Боярская дума была высшим органом государственной власти в России, и только этот орган мог решить вопрос о престолонаследии. Но в думе царил раздор. Не только Мстиславский и Романов, но и другие великородные бояре метили на трон. Спорам не было конца. Наконец бояре пришли к компромиссному решению. Лучший оратор думы дьяк Щелкалов вышел на Красное крыльцо и предложил народу присягнуть Боярской думе. Однако попытка ввести в стране боярское правление не встретила поддержки у населения.

Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход все возможные средства – от агитации до подкупа, – стараясь заручиться поддержкой столичного населения.

В феврале патриарху удалось организовать шествие в Новодевичий монастырь. Выйдя к толпе, Борис Годунов со слезами на глазах клялся, что и не мыслил посягнуть на «превысочайший царский чин». На следующий день, после всенощной, народ вновь двинулся на Новодевичье поле. Духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы.

Фёдор I Иоаннович (1557–1598). Портрет из «Царского титулярника» (1672 год)

На этот раз Годунов, выйдя к народу, обернул шею тканым платком, давая понять, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Выждав некоторое время, правитель сделал вид, что не может более противиться воле народа, и объявил о своем согласии. Без промедления он был отведен в ближайший собор и наречен патриархом на царство.

В апреле Борис переехал из Новодевичьего монастыря в Кремль. Дьяки Годунова изготовили грамоту о его избрании на трон, но члены Боярской думы отказались скрепить грамоту своими подписями.

Бояре поняли, что им не удастся остановить Годунова, если они не примут немедленных мер. Выступление боярской оппозиции возглавили Богдан Бельский и Романовы. Они попытались склонить Боярскую думу к тому, чтобы временно передать трон Симеону Бекбулатовичу. По прихоти Грозного хан некогда занимал московский трон. Цель оппозиции сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз при помощи подставного лица.

Борис не осмелился возражать думе, но постарался помешать ее деятельности. Он объявил, что стране угрожает вторжение Крымской орды, и лично возглавил выступление на южную границу. На воеводские посты он назначил своих самых опасных противников. Бояре были поставлены перед выбором: либо занять высшие командные должности, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. Они подчинились.

Отдав приказ о сборе под Москвой всего дворянского ополчения, Годунов в начале мая выехал в Серпухов. Армии не пришлось отражать нападение татар. На Оке православное воинство провело два месяца в пиррах.

После похода Годунов венчался на царство в Успенском соборе Кремля. Патриарх Иов возложил на его голову шапку Мономаха. Новый государь дал пир на всю Москву. Торжества продолжались двенадцать дней. Служилые люди вновь получили денежное жалованье. Особых милостей удостоились Романовы и Бельские. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный обет не проливать крови в течение пяти лет. Обет не был ни для кого секретом.

Через полгода после коронации правительство созвало в столице новый Земский собор. Его участникам предложили подписать утвержденную грамоту об избрании Бориса царем.

Начало царствования Бориса было на редкость благополучным. На границах государства царил мир. Персидский посол, совершивший путешествие по Московии, писал, что в стране «нет ни нищих, ни разбойников, потому что первым приказано давать пищу в изобилии, а других осуждают на вечное заключение». Польские послы в 1608 г. заявляли, что «мужиком чорным за Бориса взвыше прежних господаров добре было, и они ему прямили».

При коронации Годунов поклялся, что в его царстве не будет нищих, но выполнить свое обещание он все же не смог.

В начале XVII в. на Россию обрушились стихийные бедствия, а затем началась Смута. В 1601–1603 гг. страшный голод охватил всю страну. Два года подряд дожди и ранние морозы начисто истребляли все крестьянские посевы. Население быстро исчерпало имевшиеся у него запасы зерна. Чтобы заглушить муки голода, люди ели лебеду и липовую кору. Смерть косила народ по всей стране. Современники считали, что за три года «вымерла треть царства Московского».

Когда в России начался голод, Борис открыл царские житницы и стал раздавать голодающим хлеб. Множество крестьян хлынуло в столицу, надеясь на царскую милостыню. Столичные запасы были быстро израсходованы, и тогда Годунов велел разыскивать запасы хлеба по всей стране и везти их в Москву. Однако эти меры не помогли. В Москве от голода погибло 120 000 человек.

Верно ли, что в 1603–1613 гг. в России произошел взрыв классовой борьбы и разразилась первая Крестьянская война?

В 1602–1603 гг. власти отправили более двух десятков дворян на борьбу с разбойниками. Осенью 1603 г. один из воевод разбил крупный отряд разбойников во главе с Хлопком в окрестностях Москвы. Полагают, что «восстание Хлопка» охватило огромное пространство и переросло в Крестьянскую войну, потрясшую основы феодального строя.

Факты опровергают эту схему. Современники четко указывали на то, что шайки разбойников возглавляли холопы. Никаких доказательств массового участия крестьян в разбое в источниках нет. Дворян посылали для поимки разбойников на короткие сроки и в разное время – за год, за полгода до появления Хлопка. Никакого единого мощного восстания не было и в помине.

Бедствие привело к тому, что на дорогах появилось множество разбойничьих шайк. Их действия усугубили голод в Москве. Разбойники захватывали обозы с продовольствием, двигавшиеся в столицу, и тем самым обрекали на голодную смерть городскую бедноту и беженцев-крестьян, собравшихся в столицу из окрестных уездов.

Во время голода Годунов дважды, в 1601 и 1602 гг. издавал указы о временном возобновлении выхода крестьян в Юрьев день. Таким путем он надеялся уменьшить недовольство народа. Однако действие указа не распространялось на владения бояр и церкви, а также на столичный уезд. Указ Годунова вызвал негодование провинциальных помещиков, не желавших подчиниться воле царя и силой удерживавших своих крестьян. Считаясь с волей землевладельцев, Борис в 1603 г. отказался возобновить Юрьев день.

Борис Фёдорович Годунов (1552–1605). Портрет из «Царского титулярника» (1672 год)

Социальная ломка, связанная с утверждением крепостного права, болезненно отозвалась на положении народа и стала одной из главных причин Смуты начала XVII в.

Крепостничество не могло окончательно восторжествовать в центре, пока существовали вольные окраины, служившие прибежищем для беглого населения. На протяжении нескольких десятилетий правительство добивалось подчинения казачьих земель. С этой целью оно строило остроги на Дону, Северском Донце, Волге, Тереке и Яике. Казаки всеми силами противились властям. Они отказывались выдавать беглых людей, не принимали воевод в свои городки, не давали проводить перепись их земель. Когда появился самозванный Лжедмитрий I, вольные

казаки выступили на его стороне. Борису Годунову пришлось расплачиваться за политику подчинения вольных казачьих окраин.

Явление самозванца

Гражданская война вспыхнула в России после вторжения в ее пределы Дмитрия самозванца с войском, набранным в Польше.

Одни историки исследовали вопрос о личности самозванца, которого считали орудием польской интриги. Другие сосредоточили внимание на остром общественном кризисе начала XVII в., породившем самозванство. В Лжедмитрии стали видеть крестьянского царя, его успехи связывали с волной крестьянского движения или, во всяком случае, с появлением в крестьянской среде утопической веры в «доброго царя», с наивным монархизмом русских крестьян.

Веру в пришествие «хорошего» царя связывают с крестьянской утопией. Но монархические убеждения были широко распространены в Средние века среди всех слоев населения, так что в них не было ничего специфически крестьянского.

Иван Грозный пролил немало крови своих подданных. Он навлек на свою голову проклятие знати. Но ни казни, ни поражение в Ливонской войне не могли уничтожить популярность, приобретенную им в народе и служилой дворянской среде после «казанского взятия». В фольклоре Иван IV остался грозным, но справедливым царем. В глазах народа он был не только представителем старой, законной династии Ивана Калиты, но и последним царем, при котором крестьяне не утратили традиционной «воли» – права выхода в Юрьев день.

Бедствия, обрушившиеся на страну при Годунове в начале XVII в., придали особую устойчивость воспоминаниям о благоденствии России при «хорошем» царе Иване Васильевиче. Чем мрачнее становилось время, чем меньше оставалось места для надежд, тем пышнее расцветали всевозможные иллюзии.

Выбор имени «Дмитрий» определялся одним-единственным обстоятельством. Он был сыном Ивана Грозного. То, что он страдал «черным недугом», то есть, по понятиям людей того времени, был одержим бесами, как и то, что после смерти великого государя духовенство стало считать царевича незаконнорожденным, не имело никакого значения. Обо всем этом знал узкий круг лиц, близких ко двору. Десять лет спустя об этом вообще забыли.

Смерть Дмитрия вызвала многочисленные толки в народе. Но в Москве правил законный царь, и династический вопрос никого не занимал. О царевиче забыли очень скоро. Однако едва умер Федор, как в народе вновь заговорили о Дмитрие. Литовские лазутчики подслушали в Смоленске и записали толки, в которых можно было угадать все последующие события Смутного времени. Одни говорили, будто в Смоленске были подобраны письма от Дмитрия, известившие жителей, что «он уже сделался великим князем» на Москве. Другие доказывали, что появился не царевич, а самозванец, «во всем очень похожий на покойного князя Дмитрия»; Борис будто бы хотел выдать самозванца за истинного царевича, чтобы добиться его избрания на трон, если не захотят избрать его самого.

Толки, подслушанные в Смоленске, носили недостоверный характер. Боярин Нагой, говоря о смерти Дмитрия, будто бы сослался на мнение своего соседа «астраханского тиуна» (?) Михаила Битяговского. «Тиуна» вызвали в Москву и четвертовали после того, как он под пыткой признался, будто сам убил Дмитрия.

Литовские лазутчики записали скорее всего молву простонародья, имевшего самые смутные представления о том, что происходило в столичных верхах. Пересуды свидетельствовали о поразительном легковерии людей средневековой эпохи.

Как бы то ни было, слухи о царевиче порочили правителя Бориса Годунова и были проникнуты явным сочувствием к Романовым. Очевидно, их распускали люди, симпатизировавшие Романовым.

Имя Дмитрия оживила борьба за обладание тронem и вызванные ею политические страсти. После избрания Бориса молва о самозваном «царевиче» лишилась почвы и умолкла сама собой.

Прошло два года, и весть о чудесном спасении сына Грозного вновь распространилась в народе. Служилый француз Яков Маржарет, прибывший в Москву в 1600 г., отметил в своих записках: «...прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он (Борис. – Р.С.) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу».

Бояре Романовы подверглись опале как раз в 1600 г. Не они ли сеяли слухи о спасении Дмитрия? Это сомнительно. Романовы пытались заполучить корону как ближайшие родственники последнего законного царя Федора. К сыну Грозного от седьмого брака они относились резко отрицательно. Пересуды о наличии законного наследника Дмитрия могли лишь помешать осуществлению их планов. В 1600 г. у Романовых было не больше оснований готовить самозванца «Дмитрия», чем у Бориса Годунова в 1598 г.

Дмитрия вспомнили во время смертельной болезни Бориса Годунова. Его кончины ждали со дня на день. Страна оказалась на пороге нового династического кризиса.

Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покончить с ними Годунову было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва сделалась народной.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602–1603 гг. Им немедленно заинтересовался Посольский приказ. Не позднее августа 1603 г. Борис обратился к покровителю самозванца князю Константину Острожскому с требованием выдать «вора». Но «вор» уже переселился в имение Адама Вишневецкого. В Москве продолжали следить за каждым шагом самозванца.

Неверно мнение, будто Годунов назвал самозванца первым попавшимся именем. Разоблачению предшествовало самое тщательное расследование, после которого в Москве объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру носивший имя Юрия Отрепьева.

Московским властям нетрудно было выяснить историю беглого чудовского монаха. В Галиче жила вдова Варвара Отрепьева, мать Григория, а его родной дядя Смирной Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин. Смирной преуспел при новой династии и выслужил чин стрелецкого головы. Накануне бегства племянника он был «на Низу голова стрельцов». Как только в ходе следствия всплыло имя Отрепьева, царь Борис вызвал Смирного в Москву. Власти использовали показания Смирного и прочей родни Отрепьева и при тайном расследовании, и при публичных обличениях «вора». Согласно Разрядным книгам, Борис посылал в Литву «в гонцах на обличенье тому вору Ростриге дядю ево родного галеченина Смирного Отрепьева». Современник Отрепьева троцкий монах Авраамий Палицын определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя и, наконец, «род его галичане вси».

Московские власти сконцентрировали внимание на двух моментах биографии Отрепьева: его насильственном пострижении и соборном осуждении «вора» в московский период его жизни. Но в их объяснениях по этим пунктам были серьезные неувязки. Одна версия излагалась в документах, составленных для внутреннего пользования, другая – в дипломатических наказах, адресованных польскому двору. В дипломатических письмах значилось буквально следующее: Юшка Отрепьев, «як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многажды и заворовався, постригсе у чернцы...».

Нетрудно установить, с чьих слов составлен был этот убийственный отзыв о Юрии Отрепьеве. Незадолго до посылки наказа в Польшу в Москву вернулся Смирной Отрепьев, ездив-

ший за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с Григорием-Юрием. Со слов Смирного, очевидно, и была составлена назидательная новелла о беспутном дворянском сынке.

Юшка отверг сначала родительский авторитет, а потом авторитет самого Бога. После пострижения он «отступил от Бога, впал в ересь и в чорнокнижье и призыване духов нечистых, и отречения от Бога у него выняли». Узнав об этих преступлениях, патриарх со всем Вселенским собором, по правилам святых отцов и по Соборному уложению, якобы приговорили сослать Гришку на Белоозеро в заточение на смерть.

Посольский приказ фальсифицировал биографию Отрепьева. Цели фальсификации предельно ясны. Властям важно было представить Отрепьева как одиночку, за спиной которого не было никаких серьезных сил, а заодно обосновать версию о соборном суде над преступником, чтобы иметь основание потребовать от поляков выдачи «вора».

С дружественным венским двором царь Борис поддерживал куда более доверительные отношения, чем с польским. Поэтому в письме австрийскому императору Годунов позволил себе некоторую откровенность по поводу Отрепьева. Русский оригинал послания Бориса Рудольфу II (ноябрь 1604 г.) хранится в Венском архиве и до сих пор не опубликован. Приведем здесь полностью разъяснения Бориса по поводу личности Отрепьева. До своего пострижения, утверждал Борис, Юшка «был в холопах у дворянина нашего у Михаила Романова и, будучи у него, учал воровать, и Михаиле за его воровство велел его збити з двора, и тот стражник учал пуше прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертные казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернцах Григорием».

Почему царь Борис решил связать имя Отрепьева с именем Романовых? Быть может, он желал скомпрометировать своих противников? Но почему он не назвал тогда имена старших братьев – знаменитых бояр Федора и Александра Никитичей Романовых, – а указал на младшего брата Михаила, которого даже в России мало кто знал и который два года как умер в царской тюрьме?

В венском наказе видно то же настойчивое стремление, что и в польском. Царские дипломаты решительно опровергали самую возможность заговора и старались рассеять подозрения о том, что за спиной самозванца могли стоять влиятельные бояре. От поляков вовсе скрыли, что Отрепьев служил Романову. Австрийцев убеждали в том, что Романов не был пособником «вора», а, напротив, изгнал Юшку за его воровские проделки.

Внутри страны появление самозванца долго замалчивалось. Толки о нем пресекались беспощадным образом. Но когда Лжедмитрий вторгся в пределы страны и молчать стало невозможно, с обличением Отрепьева выступила церковь. Жизнеописание Отрепьева, составленное в патриаршей канцелярии, разительно отличалось от заявлений Посольского приказа.

Враг оказался гораздо опаснее, чем думали в Москве. Он терпел поражение в открытом бою, но посланная против него многочисленная армия не могла изгнать его из пределов страны. Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, мало кого могли убедить. Дипломатическая ложь рушилась сама собой. Патриаршие дьяки были вынуждены более строго следовать фактам. Патриарх Иов известил паству о том, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, от смертные казни постригся в чернцы и был по многим монастырям», позже побыл во дворе у него, патриарха, «а после того сбежал в Литву с товарищами своими с чюдовскими чернцы».

Власти не настаивали на первоначальной версии, будто Отрепьева постригли из-за его безобразного поведения и восстания против родительской власти. Юшка заворовался, живя на дворе у Романовых. Как видно, патриарх умышленно не назвал имени окольного Михаила: он хотел бросить тень разом и на старших Романовых. Но подобные побуждения имели все же второстепенное значение. Царские опалы, казалось бы, навсегда покончили с могуществом Романовых: старший из них принял монашество и сидел под стражей в глухом монастыре, трое

его братьев погибли в ссылке. Никто не мог предвидеть, что один из уцелевших Никитичей взойдет со временем на трон.

Лжедмитрий I (ок. 1581–1606). Гравюра Л. Килиана (1606 год)

Посольский приказ старался скрыть от иностранцев определенную связь между пострижением Отрепьева и службой его у опальных Романовых, но в разъяснениях патриарха уже можно уловить намек на такую связь.

После смерти Годунова и гибели Лжедмитрия I царь Василий Шуйский произвел новое дознание по поводу самозванца. Его следователи имели одно важное преимущество перед

Борисовыми – они видели самозванца своими глазами. Новый царь опубликовал результаты расследования с большими подробностями, чем Борис. Однако разъяснения при польском дворе отличались сдержанностью: любые неточности в пояснениях Москвы могли быть легко опровергнуты в Кракове. Между тем сам вопрос о самозванце приобрел государственное значение.

В инструкциях дипломатам Посольский приказ больше не скрывал факта службы Отрепьева у Романовых. Царь Василий IV позволил сообщить полякам даже больше того, о чем поведала патриаршая канцелярия. Юшка, писали дьяки, «был в холопех у бояр у Микитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы...».

Выпад против Романовых и Черкасских носил политический характер. Едва приверженцы Шуйского выкрикнули на площади имя нового царя, как в боярской среде возник заговор. К нему примкнули Романовы, не оставившие надежду занять трон. Тогда на их голову посыпались удары. Филарет Романов, которого прочили в патриархи, лишился царской милости. Подозрение пало также на ближайших родственников Филарета, князей Черкасских.

Все это объясняет, почему Шуйский решил бросить тень не на одних Никитичей, но и на их шурина боярина Черкасского. Наказы Шуйского называют Отрепьева боярским холопом. Можно ли верить этому полемическому выпад против лжецаря?

Юрий Отрепьев поступил на службу к Михаилу Романову как добровольный слуга. Однако царское Уложение о холопах 1597 г. предписало всем господам в принудительном порядке составить кабальные грамоты на всех добровольных холопов, прослуживших у них не менее полугода. Боярин Черкасский стоял в боярской иерархии значительно выше молодого окольного Михаила Романова. Поэтому Отрепьев имел причины для перехода во двор к Черкасскому. Там он, возможно, и дал на себя кабальную запись. Поздние летописи предпочитали умалчивать о службе Отрепьева у Романовых и их родни. В царствование Романовых было небезопасно или, во всяком случае, неприлично вспоминать этот факт из биографии «вора» и богоотступника. Вследствие этого история пострижения Юрия Отрепьева получила совершенно превратное истолкование в летописных сочинениях. Автор «Иного сказания» сочинил романтическую сказку о том, как 14-летний Юшка случайно повстречал в Москве безвестного игумена с Вятки Трифона и под влиянием душевспасительной беседы с ним принял схиму.

Отзвук подлинных событий можно найти в одном компилятивном «Сказании», автор которого пользовался какими-то ранними источниками. В «Сказании» причины пострижения Юшки изложены следующим образом. Царь Борис воздвиг гонение на великих бояр, послал в заточение и на смерть Федора Никитича Романова и Бориса Камбулатовича Черкасского.

Юшка часто приходил в дом к Черкасскому и был у него в чести, «и тоя ради вины на него царь Борис негодова, той же лукав сый, вскоре избежав от царя, утаився во един монастырь и пострижеся...». В «Сказании» заметно старание смягчить неприятные Романовым факты. Автор умалчивает о том, что Юшка служил Михаилу Никитичу и его шурина Черкасскому. Юшка будто бы лишь бывал при дворе боярина Бориса Черкасского и в то же время от него «честь приобретал».

И все же в намеках «Сказания» проглядывает истина. Юшка не затерялся среди многочисленной холопской дворни, а сделал карьеру при дворе боярина Черкасского и вошел у него в честь. При боярских дворах дети боярские такого ранга и происхождения служили обычно дворецкими, конюшими, воеводами в боярских городках. После ареста Романовых и Черкасского их слуга Юрий Отрепьев, не желая разделить участь своих господ, постригся в монахи и принял имя Григория. За пострижением последовали скитания по монастырям. Этот эпизод из жизни чернеца Григория Отрепьева стал предметом всевозможных легенд.

Поздние летописи противоречат друг другу, едва только начинают перечислять обитатели, в которых побывал новоиспеченный монах. Современники не знали толком, где постригся Юшка Отрепьев. Близкий к Романовым автор «Нового летописца» откровенно признает, что

Юшка «во младости пострижеся на Москве, не вем где». Даже Посольский приказ, расследовавший дело по свежим следам, не мог добиться истины. При Шуйском установили только, что постригал Юшку «с Вятки игумен Трифон». Обряд был совершен, как видно, в спешке, на каком-нибудь монастырском подворье.

Трифон более 20 лет жительствовавший в основанном им монастыре в Вятке. Заслуги Трифона получили признание – его возвели в сан архимандрита. Но после 1602 г. он лишился сана. Что было причиной отставки? Пострижение ли Отрепьева, дружба с опальными боярами или старость? Трудно сказать.

Посольский приказ был лучше всего осведомлен о столичном периоде жизни чернеца Григория. Тут его жизнь протекала у всех на глазах. Имея под рукой множество свидетелей, приказ уточнил обстоятельства пребывания чернеца в Кремлевском Чудовом монастыре. Отрепьев, значилось в посольской справке 1606 г., был «в Чюдове монастыре в дияконех 3 год». Это известие следует признать единственной достоверной хронологической вехой в ранней биографии Отрепьева.

Если обратиться к сказаниям современников, то можно увидеть, какие любопытные метаморфозы претерпели в них сведения о чудовском периоде жизни Отрепьева. «Пискаревский летописец» утверждал, будто Гришка «пребываша и безмолвствоваше в Чудове года два». Те же данные приводит «История о первом патриархе Иове», составленная после 1652 г. Троицкий монах Авраамий Палицын считал, что чернец Григорий два лета стоял на клиросе в Чудовом монастыре, а потом служил во дворе у патриарха более года. Тенденция приведенных свидетельств очевидна. Летописцы продлили срок пребывания Отрепьева в столичном монастыре с одного года до двух лет.

Аналогичным образом современники описывали «житие» монаха Григория в провинциальных обителях. По свидетельству «Нового летописца», чернец Отрепьев жил год в Спасо-Ефимиевом монастыре и еще «двенадцать недель» в соседнем монастыре на Куксе. По словам другого летописца, Григорий прибыл «во обитель Живоначальные Троицы на Железный Борок ко Иякову святому и в том монастыре постризается, и пребыша ту три лета». Летописец ошибся, назвав монастырь на Железном Борку Троицким. На самом деле то был монастырь Иоанна Предтечи. Эта ошибка выдает малую осведомленность автора летописи.

Пребывание в провинциальных монастырях явилось в действительности лишь кратким эпизодом в жизни Григория Отрепьева. Посольская справка, составленная при Василии Шуйском, сообщала без особых подробностей о том, что «был он, Гришка, в чернцах в Суздале в Спаском в Еуфимьева монастыре, и в Галиче у Иоанна Предтечи, и по иным монастырем...».

Посольская справка 1606 г. не сообщает, сколько времени провел Отрепьев в провинциальных монастырях. Заполнить этот пробел биографии помогает хорошо осведомленный современник Гришки – автор повести, приписываемой князю И.М. Катыреву-Ростовскому. Он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил рясу очень недолго: «По мале же времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила». Обителью архистратига Михаила называли Чудов монастырь. Если верно то, что пишет названный автор, значит, Отрепьев не жительствовавший в провинциальных монастырях, а бегал по ним.

Приведенные факты позволяют установить главные хронологические вехи в жизни Отрепьева. Чудовский монах отправился в Литву в феврале 1602 г., после того как пробыл год в Чудовом монастыре. Значит, он обосновался в Чудове в начале 1601 г. Поскольку Отрепьев прибыл в Москву «по мале... времени» после своего пострижения, значит, он постригся в конце 1600 г., т. е. именно тогда, когда Борис Годунов разгромил заговор бояр Романовых и Черкасских. Но в таком случае приведенные факты полностью подтверждают версию, согласно которой Отрепьев вынужден был уйти в монастырь в связи с гонениями на Романовых в ноябре 1600 г.

В то время Отрепьеву было примерно 20 лет. По понятиям XVI в., молодые люди достигали совершеннолетия и поступали на службу в 15 лет. Это значит, что до своего пострижения Григорий успел прослужить на боярских подворьях около пяти лет.

Установив эти факты, попробуем заполнить самые первые страницы биографии Отрепьева.

Беглый монах

Юрий Богданович Отрепьев родился в небогатой дворянской семье. Предки Отрепьева приехали на Русь из Литвы. Прадед Юшки Матвей Третьяк служил в Боровском уезде и как дворовый сын боярский был записан в Дворовом списке в 1552 г. Между 1552 и 1566 гг. в тот же Дворовый список был занесен «Третьяков сын Замятня» – дед Юшки, в то время «новик». Прошло примерно 20 лет, и на службу поступили двое сыновей Замятни: Смирной и Богдан. Как установил И.А. Голубцов, отец Юшки Богдан Отрепьев получил поместье в Коломенском уезде в феврале 1577 г. В Боярском списке он назван «новиком неслужилым». В то время Богдану было не более 15–16 лет. Его определили на службу одновременно со старшим братом Никитой Смирным. Сын Богдана, Юрий, не мог родиться ранее чем на рубеже 70—80-х годов XVI в., а это значит, что он был примерно одного возраста с царевичем Дмитрием. Юшка достиг совершеннолетия в самые последние годы царствования Федора.

Отец Юшки служил в стрелецких войсках, но выслужил только чин стрелецкого сотника. Он рано умер. Согласно посольской справке 1606 г., Богдана зарезал литвин на Москве в Немецкой слободе. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались уличные драки. Московские летописцы помнили, что Юшка «остался после отца своего млад зело» и воспитанием его занималась мать. У нее мальчик научился читать Божественное Писание, «Часовник и Псалмы Давидовы». Как видно, возможности домашнего образования были быстро исчерпаны, и Юшку послали «к Москве на учение грамоте». Семья Отрепьевых имела прочные связи в столице: там обретался дед Юшки, там служили его родной дядя Смирной и «свояк» семьи – дьяк Семейка Ефимьев. Видимо, кто-то из приказных и выучил Юшку писать. В приказах ценили хороший почерк, и при них существовали школы, готовившие писцов-каллиграфов. Отрепьев усвоил изящный почерк, что позволило ему позже стать переписчиком книг на патриаршем дворе.

Только ранние посольские наказы изображали юного Отрепьева беспутным негодяем. При Шуйском такие отзывы оказались забыты, а поздние писатели не скрывали удивления по поводу способностей Отрепьева. Правда, при этом они выражали благочестивые подозрения: не вступил ли Юшка в союз с нечистой силой, будучи еще подростком? Так, автор «Нового летописца» писал: «Грамота же ему даяся не от Бога, но дияволу сосуд учинися...» Авраамий Палицын отмечал: «Сей юн еще навиче чернокнижию».

Учение, очевидно, давалось Отрепьеву очень легко. В непродолжительное время Юшка стал «зело грамоте горазд». Но бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежды на выдающуюся карьеру. На царской службе он едва ли мог надеяться выслужить воеводский чин. Честолюбивый провинциал искал более легких путей и поступил на службу к брату царя Михаилу Никитичу. В то время многие считали Никитичей единственными законными претендентами на царский трон, и служба при их дворе сулила массу выгод.

Выбор Юшки кажется, случайным. Так ли это на самом деле? Отрепьевы издавна сидели целым гнездом на берегах Монзы, притока Костромы. Там же располагалась знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича – село Домнино. Родители Отрепьева жительствова­ли возле монастыря на Железном Борку. В десяти верстах от монастыря стоял романовский починок Кисели.

Все, что мы знаем о личности Отрепьева, заставляет предполагать, что за несколько лет службы у Никитичей он занял при их дворе достаточно высокое положение.

Взойдя на трон, Борис Годунов всеми силами стремился избежать столкновения с боярами Романовыми, двоюродными братьями царя Федора. Эти бояре были главными соперниками Бориса в дни царского избрания.

Старания Годунова не увенчались успехом. Раздор с боярами, прямо и косвенно, готовил почву для смуты.

Самым крупным политическим процессом времен Годунова стало дело об «измене» Романовых и Черкасских. Они стали жертвами колдовского процесса. Их обвинили в намерении «испортить» царскую семью с помощью волшебных корешков.

Из записей польского посольства следует, что отряд царских стрельцов совершил вооруженное нападение на подворье Романовых 26 октября 1600 г. Братья Романовы были арестованы. Боярская комиссия во главе с Салтыковым произвела обыск на захваченном подворье и обнаружила корни. Суд признал Романовых виновными в покушении на жизнь царя и государственной измене. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Борис долго колебался, не зная, как поступить с Романовыми. В конце концов Федор Никитич Романов был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета, а его братья Александр, Михаил, Василий, Иван и зятья князья Черкасские и Сицкие отправлены в ссылку.

Причиной расправы с Романовыми и Черкасскими явился не столько «боярский заговор», сколько болезнь царя Бориса. Один из современников Бориса заметил, что тот находился на троне шесть лет, «не царствуя, а всегда болезнуя». К осени 1600 г. состояние здоровья Годунова резко ухудшилось. В Москве ждали его кончины со дня на день. В столице поднялась тревога. Тогда Борис распорядился отнести себя на носилках из дворца в Успенский собор, чтобы покончить со слухами о своей кончине. Романовы поспешили вызвать в Москву многочисленную вооруженную свиту. Они надеялись вскоре вновь вступить в борьбу за обладание короной. Малолетний наследник Бориса царевич Федор имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного самодержца оставалось единственное средство ее спасения: он постарался избавиться от претендентов на трон и отдал приказ о штурме романовского подворья.

Вооруженная боярская свита оказала стрельцам отчаянное сопротивление. Под стенами романовского подворья произошло форменное сражение.

Опала на Романовых едва не погубила Юшку Отрепьева. Царь Иван поголовно истреблял дворню опальных бояр. Однако Годунов не хотел следовать его примеру. Он ограничился тем, что подверг пыткам и казни ближних слуг опальных Романовых. Подобная участь грозила и Юрию Отрепьеву. По словам патриарха, Отрепьев постригся в монахи, спасаясь «от смертной казни». Царь Борис выражался еще более определенно. Боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа с вятским игуменом, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетнему дворянину, полному сил и надежд, пришлось покинуть свет и забыть свое мирское имя. Отныне он стал смиренным чернецом Григорием.

После пострижения Отрепьев побоялся остаться в столице и скрылся в провинции. Из посольской справки 1606 г. следует, что Отрепьев побывал в Суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и в монастыре Иоанна Предтечи в Галиче. Оба монастыря лежат на одной прямой, связывавшей Москву с имением семьи Отрепьевых в Галичском уезде. Итак, чернец Отрепьев посетил названные монастыри не для жительства в них, а как места временного пристанища во время бегства из Москвы в свое имение.

Искал ли Отрепьев спасения в романовской вотчине близ Железного Борка? Или вернее будет другое предположение, что слуга опальных бояр искал спасения в родных краях?

Сохранились отрывочные сведения, будто во время пребывания Отрепьева в Суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре тамошний игумен, видя его «юна суца», отдал «под начал» духовному отцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и чернец поспешил проститься со спасскими монахами. В прочих обителях Отрепьев задерживался и вовсе ненадолго.

Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию в монашеских кельях был разительным. Очень скоро чернец Григорий решил вернуться в столицу. Как мог опальный инок

попасть в аристократический кремлевский монастырь? Поступление в такую обитель обычно сопровождалось крупными денежными вкладами.

Дьяки Шуйского дознались, что при поступлении в Чудов монастырь Гришка Отрепьев воспользовался протекцией: «...бил челом об нем в Чудове монастыре архимандриту Пафнотию... (что ныне Крутицкой митрополит, добавили от себя дьяки. – *Р.С.*) богородицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взять в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни».

Дед Григория Елизарий Замятня был примечательной фигурой. Полгода спустя после коронации Бориса Годунова он получил самое ответственное в своей жизни поручение. Новый царь назначил его «объезжим головой» в Москве. Замятня должен был охранять порядок в «меньшой» половине Белого города – от Неглинной реки до Алексеевской башни. «Объезжими головами» в столице служили обычно дворяне, хорошо зарекомендовавшие себя по службе и лично известные государю. Вскоре после московской службы Замятня, по-видимому по старости, удалился на покой в Чудов монастырь. Неизвестно, в каких отношениях находился Замятня с протопопом Кремлевского Успенского собора Евфимием. Но именно помощь Евфимия помогла Замятне определить внука Григория в Чудов.

Как свидетельствует посольская справка 1606 г., «архимандрит Пафнотий для бедности и сиротства взял его (Григория. – *Р.С.*) в Чудов монастырь».

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре перевел его в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, – рассказывал он знакомым монахам, – да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Пафнотий поспешил отличить инока, не достигшего 20 лет, и дал ему чин дьякона. «...По произволению тоя честныя лавры архимандрита Пафнотия, – писали летописцы, – (Отрепьев. – *Р.С.*) поставлен бысть во дьяконы рукоположеньем святейшаго Иова патриарха...»

История последующего взлета Отрепьева описана одинаково в самых различных источниках. Патриарх Иов в своих грамотах сообщал, что взял Отрепьева на патриарший двор «для книжного письма». На самом деле Иов заметил способного инока не только из-за его отличного почерка. Чернец вовсе не был простым переписчиком книг. Его ум и литературное дарование доставили ему более высокое положение при патриаршем дворе. У патриарха Григорий продолжал «сотворяти каноны святым».

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Отрепьев являлся во дворец в свите окольничего Михаила Никитича, и перед ним вновь открылись двери кремлевских палат. В царскую думу и в совет князей церкви патриарх являлся с целым штатом писцов и помощников. Отрепьев оказался в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, и епископы, и весь собор. По-видимому, так оно и было. Отрепьев, беседуя с приятелями, говорил им, что «патриарх-де, видя мое досужество, учал на царские думы вверх с собою водити и в славу-де есми вшол великую».

Фраза Отрепьева насчет «славы» не была простым хвастовством. Карьера его на поприще монашеской жизни казалась феерической. Сначала он был служкой у монаха Замятни, затем келейником архимандрита и дьяконом и, наконец, стал придворным патриарха. Чтобы сделать такую карьеру в течение одного только года, надо было обладать незаурядными способностями. Не подвиги аскетизма помогли выдвинуться юному честолюбцу, а необыкновенная восприимчивость к учению.

Природа щедро наделила юношу талантом перевоплощения. Но его успех невозможно объяснить одним лишь лицедейством. Его способность подчинять своему влиянию людей казалась почти мистической.

Достоинства чернеца были необычны для монашеской среды, в которую он попал нечаянно. В несколько месяцев он усваивал то, на что у других уходила вся жизнь. Примерно в 20

лет Отрепьев стал заниматься литературными трудами, которые доверяли обычно убеленным сединой подвижникам.

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто чернец Григорий бежал от патриарха, будучи обличен в ереси. Церковные писатели охотно подхватили официальную выдумку. Согласно «Истории о первом патриархе Иове», Отрепьев «рассмотрен бысть» как еретик «от неких церковных» (имена их не уточнялись), и тогда патриарх отослал чернеца обратно в Чудов монастырь «в соблюдение до сыску» царя Бориса. Летописи снабдили описанный эпизод множеством подробностей. По «Пискаревскому летописцу», явление великого еретика предсказал Ростовский митрополит Варлаам. Автор «Нового летописца» вложил в уста Варлаама яркую обличительную речь. Но, сочинив суровое обличение, как нельзя лучше подходившее случаю, летописец не мог правильно назвать даже имени Ростовского митрополита. Он назвал Варлаама Ионой.

Последующая история осуждения Отрепьева сводилась к тому, что царь Борис поверил доносу митрополита и велел сослать чернеца под крепкое начало. Получив царское повеление, дьяк Смирной Васильев поручил дело дьяку Семейке Ефимьеву, но тот, будучи свояком Гришки, умолил Васильева отложить на некоторое время высылку Отрепьева. Прошло время, и Смирной будто бы забыл о царском указе. После объявления в Литве самозванца Борис призвал к ответу Смирного, но тот, «аки мертв, пред ним стояща и ничего не мог отвецати». Тогда царь велел забить Васильева до смерти на правеже. История, которую поведал «Новый летописец», вполне легендарна.

Предания об осуждении Отрепьева не выдерживают критики. Борисова версия (наказ 1604 г.) сводилась к тому, что патриарх, уведав воровство чернеца, «со всем вселенским собором, по правилом святых отец и по соборному уложению, приговорили сослати с товарищи его... на Белое озеро в заточенье на смерть». Однако уже при Шуйском власти сильно смягчили прежнюю версию. В новых посольских наказах весь эпизод изложен как бы скороговоркой в единственной строчке: злодей впал в еретичество, и его «с собору хотели сослать в заточенье на смерть». Тут нет и речи о формальном соборном суде и приговоре «по соборному уложению». Еретики хотели сослать, и не более того! Но одно дело – дипломатические разъяснения за рубежом, и другое дело – справки внутреннего назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.